

ОТ РЕТРОСПЕКТИВНОСТИ К ПРОСПЕКТИВНОСТИ: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДБУДУЩЕГО В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ*

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва,
119019, Российская Федерация; amoena@inbox.ru

В работе описывается один из путей семантической эволюции предбудущего времени, на котором оно утрачивает ретроспективную функцию, сохраняя референцию к будущему. Результатом этого становится возникновение нового будущего времени из старого предбудущего. Такой процесс можно наблюдать в истории славянских языков, в ряде которых он достиг завершения (словенский, польский, кайкавское наречие сербохорватского языка). Довольно ощутимой эта тенденция была в классической и постклассической латыни и привела к формированию неретроспективного будущего из латинского футурального перфекта в далматинском языке. Напротив, новое аналитическое предбудущее в старофранцузском, как и древнегреческое предбудущее, в меньшей степени продвинулись по этому пути. Вероятными причинами такой семантической эволюции предбудущего в данных идиомах могли послужить: метафорическое «немедленное» употребление (характерное для латинского, древнегреческого, старофранцузского); конвенционализация одной из импликатур, возникающих в аподосисе ('вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'); нейтрализация предбудущего и презенса в протасисе условной конструкции (славянские языки и латынь). В славянских языках такой семантической эволюции могла способствовать также атрибутивность /-причастия и влияние конструкций типа *bdp* + страдательное причастие.

Ключевые слова: грамматикализация футурума, итальянские языки, немедленное будущее, перфект, предбудущее (второе будущее), ретроспективность, славянские языки, условный протасис

FROM RETROSPECTIVE TO PROSPECTIVE: GRAMMATICALIZATION OF FUTURE ANTERIOR IN THE LANGUAGES OF EUROPE

Yana A. Pen'kova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; amoena@inbox.ru

The paper deals with one path of the future anterior's semantic evolution. Following this path, future anterior loses its retrospective function but preserves future time reference. This results in the formation of a new future tense from the old future anterior. Such an evolution took place in the history of some Slavic languages (Slovenian, Polish, Kajkavian dialects). In the Dalmatian language, the original Latin future perfect transformed into the non-anterior future. On the contrary, this tendency has not been completed for the new analytic form in Old French and future anterior in Ancient Greek. The reasons for such semantic evolution of future anterior in the aforementioned languages might be the following. At some stage, future anterior can be used metaphorically as immediate future (attested in Latin, Antient Greek, Old French). Later, the implicature in apodosis, namely 'consequence' → 'consecution, posteriority in the future' → 'predictive future', conventionalizes, and then future anterior and present neutralize in the conditional protasis (see

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

Latin and some Slavic languages). Nominal property of the *I*-participle and the influence of the construction *bōdō* + passive participle could have also contributed to this semantic evolution in the Slavic languages.

Keywords: conditional protasis, future anterior (second future), grammaticalization of future, immediate future, Italic languages, perfect, retrospective, Slavic languages

1. Предварительные замечания

В настоящей статье пойдет речь о предбудущем — абсолютно-относительном времени (в терминах [Comrie 1985]), объединяющем темпоральную и аспектуально-таксисную семантику. Базовое употребление предбудущего соответствует контекстам ‘предшествования момента референции в будущем’. На структурном уровне предбудущее представляет собой комбинацию показателей футурума (референции к будущему) и таксиса (предшествования), ср. пример из новеллы Г. Бёлля:

- (1) НЕМЕЦКИЙ
Sie rechnen aus, wieviel heute jede Minute über die Brücke gehen und wieviel in zehn Jahren über die Brücke gegangen sein [идти.PR.F.INF] *werden* [статья.AUX.FUT.3PL].
‘Они считают, сколько [человек] сегодня каждую минуту проходит через мост и сколько [человек] **пройдет** через мост [к тому времени], когда пройдет десять лет’ (H. Böll, „An der Brücke“).

Предбудущее в европейских языках имеет уникальное положение: оно находится на пересечении зон перфекта и будущего. Не вполне перфект и не вполне футурум, предбудущее оказалось в стороне от магистральных исследований в этих областях грамматики¹. Источники грамматикализации и пути эволюции будущего времени в языках мира подробно описаны в фундаментальной работе [Bybee et al. 1994], а также в других исследованиях, посвященных футуруму (см., например, [Ullian 1978; Fleischman 1982; Bybee, Pagliuca 1987; Bybee et al. 1991]), однако предбудущее в них не рассматривается. Авторы недавней коллективной монографии «Future times. Future tenses» [De Brabanter et al. 2014] также обошли вниманием эту структуру.

В работах по перфекту предбудущее также специально не описывается. Так, Л. Андерсон во влиятельной статье 1982 г. замечает лишь, что, наряду с плюсквамперфектом, оно представляет собой перфект в широком смысле [Anderson 1982]. В монографии [Dahl 1985] в разделе, посвященном перфекту и связанным с ним категориям, предбудущее не упоминается. Однако контексты, типичные для базового употребления предбудущего («[perfect] in the future»), включены в анкету Э. Даля по перфекту под пунктами 82—88 [Dahl 2000]). В работе [Bybee et al. 1994] предбудущему посвящено всего несколько строк, из которых очевидно, что оно также признается перфектом в широком смысле (в терминологии авторов «anterior»): «Anteriors may occur with past or future tense marking» [Ibid.: 54]. Р. Тирофф также описывает предбудущее в рамках категории «Anterior» и прослеживает зависимость от одной из стадий эволюции перфекта («present anterior» в терминологии автора, см. [Thieroff 2000]). Согласно его выводам, достижение перфектом четвертой эволюционной стадии, то есть превращение его в «обычное» прошедшее (general past), делает невозможным его комбинацию с показателем футурума. В монографии В. С. Храковского [2009] второе будущее упоминается как одно из средств основного таксиса. М. Л. Федотов относит предбудущее к факультативным относительно-временным показателям, они «всегда “погружены” в другую видо-временную конструкцию, семантика которой дополнительно локализует время отсчета» [Федотов 2012: 325].

¹ В грамматиках славянских языков предпринимались попытки рассматривать славянское предбудущее как предположительное наклонение. Данный вопрос — время или наклонение — является частным случаем более широкой проблемы модальной природы футурума, поэтому в настоящей работе мы его не касаемся.

Плюсквамперфекту «повезло» намного больше. Убедительные попытки говорить о плюсквамперфекте как об отдельной категории предпринимались Б. Комри, Э. Далем, Д. В. Сичиновой. Б. Комри настаивал на необходимости отдельного описания собственно перфекта и «абсолютно-относительных» времен (в его терминологии), то есть перфекта в прошедшем и будущем [Comrie 1985: 64—82]. Э. Даль в монографии 1985 г., обосновывая целесообразность рассматривать плюсквамперфект как отдельную категорию, иронически называл такой подход «somewhat a schizophrenic treatment of PLPFCT [plusquamperfect]» [Dahl 1985: 144]. Автор настоящей работы предлагает применить подобный подход к аналогу плюсквамперфекта в области футурума — предбудущему. Чуть более пристальное внимание к этой проблематике позволяет обнаружить еще один из источников грамматикализации будущего времени.

Во-первых, Э. Даль, Б. Комри и Д. В. Сичинава обосновывали отдельное рассмотрение плюсквамперфекта существованием языков с плюсквамперфектом, в которых перфект семантически оказывается утраченным: французский, немецкий [Ibid.], латынь, идиш [Сичинава 2013: 84 и сл.], мальтийский [Comrie 1985: 80]. Во-вторых, в названных работах отмечалось существование языков, в которых перфект и абсолютно-относительные времена имеют разное образование: синтетический перфект в языке луганда и аналитические плюсквамперфект и предбудущее [Comrie 1985: 80]; один вспомогательный глагол для образования перфекта в португальском и два — для образования плюсквамперфекта и предбудущего [Comrie 1985: 80]; ситуация, прямо противоположная последней, в идише и южных немецких диалектах (только один вспомогательный глагол в плюсквамперфекте в отличие от перфекта [Сичинава 2013: 133]). Наконец, у плюсквамперфекта отмечалась возможность развивать вторичные употребления, нехарактерные для перфекта [Сичинава 2013].

Эти же обоснования могут быть с успехом применены не только к плюсквамперфекту, но и к предбудущему времени, которое присутствует в глагольных системах перечисленных языков. К приведенному выше перечню можно также добавить синтетическое образование предбудущего в латыни, оскском, умбрском и древнегреческом. В древнегреческом также можно наблюдать неполную симметрию в образовании перфекта и плюсквамперфекта, с одной стороны, и предбудущего, с другой: перфект и плюсквамперфект образуются синтетически как в активном, так и в медиопассивном залоге, тогда как предбудущее в активном залоге, в отличие от синтетических медиопассивных форм, имеет только аналитические формы (исключениями являются глаголы ἵστημι (ἵστηξω) ‘ставить, стоять’ и ἀποθνῄσκω (τεθνῆξω) ‘умирать’) [Соболевский 2000: 127, 131; Славятинская 2003: 232]. Некоторые дополнительные аргументы могут дать умбрские синтетические футуральные перфекты на *-l* и на *-nki*, не имеющие соответствий в обычном перфекте [Buck 1904: 169—173; Conway 1897] (суффикс умбрского футурального перфекта *-l* аналогичен славянскому причастному суффиксу; о связях праславян с праиталийскими племенами см. [Трубачев 1982]).

Наряду с выявленной Р. Тироффом закономерностью, согласно которой присутствие / отсутствие future anterior в системе коррелирует с тем, насколько перфект продвинулся в сторону претерита, следовало бы также усматривать корреляцию между предбудущим и наличием в языке плюсквамперфекта: мы едва ли найдем в языках мира систему, в которой было бы предбудущее, но не было бы плюсквамперфекта (как мы уже сказали выше, перфект при этом может отсутствовать). Перед нами своего рода частный случай универсалии, сформулированной еще в 1978 г. Р. Ультаном [Ultan 1978: 93]: «Retrospective languages tend toward finer gradation in the past than in the future and prospective languages tend towards no or equal gradation»².

² «Ретроспективные языки склонны к более тонкой градации в зоне прошедшего, нежели будущего, а проспективные языки — к равнозначной градации или вовсе к отсутствию таковой» (перевод наш). В терминологии Р. Ультана проспективные языки — те, для которых первично противопоставление «прошедшее — непрошедшее»; напротив, в ретроспективных прошедшее и настоящее не противопоставлены [Ultan 1978: 83].

Прежде чем переходить к анализу конкретного материала, несколько слов нужно сказать о структурах, которые мы относим к предбудущему (future anterior). В настоящей работе рассматриваются только конструкции, симметричные перфекту, однако даже в европейских языках в роли предбудущего вовсе не всегда выступает футуральный перфект. Существуют и не симметричные перфекту маргинальные конструкции со значением имедиатного предшествования, способные сочетаться с показателями будущего. Это, например, конструкции с *venir / acabar de* во французском / испанском языках и конструкция с прилагательным *berri(a)* ‘новый, свежий, недавний’, модифицирующим перфективное причастие от смыслового глагола, в баскском языке (о баскской конструкции см. [Федотов 2012: 330—331]):

(2) БАСКСКИЙ

Galiziako metal jaialdi batetik etorri berri izango [приходить.PFV только_что быть.FUT] *ditugu Aste Nagusian*.

‘К [празднику] Асте Нагусиа они **только-только приедут** [ради нас] с «металлического» фестиваля в Галисии’.

Таким образом, мы склоняемся к решению, которое аналогично предложенному в [Сичинава 2013] по отношению к плюсквамперфекту. Как предбудущее рассматривается структура, удовлетворяющая следующему условию: она содержит показатели референции к будущему и показатели предшествования — локализации ситуации до момента референции (ср. описываемые в [Сичинава 2013] системы с показателями ретроспективного сдвига, в которых плюсквамперфект не является перфектом в широком смысле).

В ряде случаев для того, чтобы обнаружить показатель будущего в рамках тех или иных структур, приходится прибегать к данным диахронии. Так, диахронически можно обосновать целесообразность рассматривать в качестве предбудущего синтетические формы, традиционно также называемые футуральным перфектом, в древнеиталийских языках: латинском, оскском и умбском. Согласно исследованию [Jasanoff 1987], итальянский футуральный перфект является новообразованием, возникшим на основе старого футурального перфекта — структуры, аналогичной древнегреческому будущему от основы перфекта с сигмой — показателем будущего времени. Согласно указанному исследованию, футуральный перфект в латинском, вопреки традиционному мнению, возводящему эту форму к конъюнктиву аориста, того же происхождения, что и греческий, осканский и умбский, то есть восходит к формам сигматического будущего. Уже на древнеиталийской почве между основой перфекта и сигмой появляется вставной тематический гласный **i* (в латинском) или **u* (в оскском и умбском). Таким образом, древнеиталийские структуры, на синхронном уровне не симметричные формам будущего первого, следует признать не чем иным, как предбудущим.

Обращение к материалам истории славянских языков с привлечением параллелей из ряда других европейских языков, в том числе итальянских, дает возможность говорить об одном неучтенном источнике грамматикализации будущего времени — предбудущем, обладающем низкой частотностью в узусе, но при этом довольно широко представленном в глагольных системах европейских языков. Однако предбудущее не является исключительно европейским явлением — оно присутствует также в глагольных системах ряда кавказских языков (например, в агульском [Майсак, Мерданова 2003], багвалинском [Майсак 2001: 285]), в семитских (например, мальтийском [Comrie 1985]), в уальгском кечуа [Weber 1989: 108], в некоторых языках банту (например, луганда [Comrie 1985], южный сото [Erhard Voeltz 2005: 8]), зулу [Grout 1859: 164] и, несомненно, будет обнаружено и в ряде других.

2. Семантика предбудущего

Вслед за влиятельной работой Х. Райхенбаха [Reichenbach 1947: 287—298], предбудущее рассматривается обычно как транспозиция перфекта в план будущего, а его значение признается чисто композициональным: **результативность в будущем / предшествование в будущем**, ср. пример из [Comrie 1985: 71]:

(3) АНГЛИЙСКИЙ

John will have finished his manuscript by tomorrow.

‘Джон закончит рукопись к завтрашнему дню’.

Чуть более пристальный взгляд на семантику предбудущего позволяет увидеть широкий спектр вторичных употреблений. Типологически универсальной особенностью является развитие «эпистемических» употреблений, в которых предбудущее выражает предположение о некотором событии в прошлом. Основаниями для этого может служить как логическое умозаключение, — тогда предбудущее имеет презумптивную интерпретацию, — так и вывод на основании ситуации, наблюдаемой говорящим, — тогда перед нами инферентив, ср. соответствующие примеры из сербохорватского и болгарского:

(4) СЕРБОХОРВАТСКИЙ [Стевановић 1986: 630—631]

Po svoj prilici biće je g. Svetiћ узео из псалтира.

‘Вероятно, господин Светич **взял** это из Псалтыри’.

(5) БОЛГАРСКИЙ [Андрейчин 1978: 179]

*Никой не се обади. — Ах, **ще е бягал!***

‘Никто не отвечает. — Ах, **наверное**, он **убежал!**’ (И. Вазов).

Такие эпистемические употребления предбудущего можно встретить не только в большинстве европейских языков (одним из исключений является, пожалуй, английский), но и за пределами Европы: например, в агульском [Майсак, Мерданова 2003] и в уальгском кечуа [Weber 1989: 109]. Некоторые грамматики европейских языков отмечают, что именно последние — эпистемические употребления — в большей степени характерны для живой речи. Так, к примеру, в современных немецком [Vater 1975], французском [Шишова 2014], албанском [Duchet 1995: 273].

Реже у предбудущего фиксируются и другие, менее универсальные употребления:

— употребления, характерные для **косвенных наклонений**; ср. функциональное сближение с конъюнктивом перфекта в зависимых клаузах, которое имело место в латыни и послужило основой для формирования будущего времени конъюктива в португальском и в испанском языках [Fleischman 1982: 137];

— **медиативные** употребления, отмеченные, к примеру, в современном португальском [Duarte 2010] и современном албанском [Морозова 2016];

— **адмиративные** употребления, которые можно найти в старофранцузском (примеры см. [Yvon 1922: 424—431], см. также ниже), современном французском (см. примеры в [Gamillscheg 1957]) и албанском [Buchholz, Fiedler 1987: 147].

Все это безусловно заслуживает отдельного рассмотрения, невозможного в рамках данной статьи.

Предбудущее может также употребляться для обозначения реального условия в **условном протасисе**³. Такое употребление встречается как в языках, имеющих в системе наклонений конъюнктив, также возможный в условном протасисе, так и в языках без конъюктива. К первым относятся итальянские: латинский, осский, умбрский; ко вторым — славянские: старославянский, древнерусский, древнечешский, литературный сербохорватский, а также кайкавские и чакавские говоры (для многих западноевропейских языков такое употребление предбудущего неграмматично), ср. некоторые примеры:

(6) ЛАТИНСКИЙ [Ernout, Thomas 1972: 375]

Si hunc librum legeris [читать.PRF.FUT.2SG], *laetabor*.

‘Если эту книгу **прочитаешь**, я порадуюсь’ (Cic. Rep. 2: 42).

³ Причем не обязательно только для обозначения предшествования посылки. Так, формы предбудущего от глаголов несовершенного вида в сербохорватском языке могут называть ситуацию в протасисе, одновременную ситуации в аподосисе [Стевановић 1986: 682—683].

- (7) УМБРСКИЙ [Buck 1904: 263]
Sue muieto [шуметь.PRF.PTCP] *fust* [быть.PRF.FUT.3SG], *ote pisi arsir andersesust* [перывать.PRF.FUT.3SG], *disleralinsust* [делать.недействительным. PRF.FUT.3SG].
 ‘Если **возникнет шум** или кто-либо церемонию **прервет**, [она] **сделается недействительной**’.
- (8) СЕРБОХОРВАТСКИЙ [Зенчук и др. 1986: 268]
Ако будете [быть.AUX.FUT.2PL] *марљиво радили* [работать.PTCP], *лепо ћете положити испите*.
 ‘Если [вы] **будете** прилежно **работать**, хорошо сдадите экзамены’.
- (9) СТАРОСЛАВЯНСКИЙ [AX]
аще грѣхи будет [быть.AUX.FUT.3SG] *сътворишь* [совершить.PTCP], *отпустятся ему*.
 ‘Если [он] грехи **совершил / совершит**, [то они] будут отпущены’ (Иак. 5, 15).
- (10) ДРЕВНЕЧЕШСКИЙ [Gebauer 1958: 426]
ač zrno žitné v zemi umrlo [умереть.PTCP] *nebude* [быть.AUX.FUT.3SG], *to samo ostane, pak-li umrlo* [умереть.PTCP] *bude* [быть.AUX.FUT.3SG], *mnohý plod přinese*.
 ‘Если пшеничное зерно, пав в землю, не **умрет**, то останется одно, если **умрет**, принесет много плода’ (Jan. 12, 24 EZ)⁴.

3. Пути семантической эволюции предбудущего

Судьба предбудущего в истории западно- и югозападнорусских языков (древне-чешском, польском, словенском, кайкавских диалектах сербохорватского языка) связана с утратой таксисной функции предшествования (ретроспективности в будущем) и его последующей эволюцией в обычное неретроспективное будущее. Этот процесс достиг своего завершения в словенском, кайкавском наречии сербохорватского языка, в польском — видимо, еще до эпохи первых памятников [Długosz-Kurczabova, Dubisz 2003: 310]. Такова же и судьба латинского предбудущего в далматинском языке, находившемся в эпоху Средневековья в тесном контакте с югозападнорусскими языками, распространенными в Далмации. Здесь структура, восходящая к латинскому *futurum exactum*, также стала обычным неретроспективным будущим [Бурсье 1952: 191; Holtus et al. 1989: 523]⁵:

- (11) лат. *cantavero* [петь.PRF.FUT.1SG] → далмат. *kantuóra* [петь.FUT.1SG]

Польское будущее время с *l*-причастием глаголов несовершенного вида, в свою очередь восходящее к предбудущему, послужило также моделью для образования новой формы футурума — возможно, также на основе предбудущего — в современном вилямовском языке⁶, испытывающем сильное польское влияние [Andrason 2016: 11], ср. форму предбудущего, образующуюся аналогично соответствующей структуре в немецком языке *har wyt gumaht hon* ‘букв. он будет сделавшим (ср. англ. he will have done)’ и форму так называемого третьего будущего *har wyt gumaht* ‘он сделает/будет делать’, представляющего собой усеченный вариант футурального перфекта, структурно аналогичный польскому *l*-футуруму типа *będzie robił* ‘будет делать’.

Не только славянские, но и латинские, древнегреческие, старофранцузские, староитальянские источники (см. о последних [Rohlf 1949: 385—387]) также свидетельствуют

⁴ Синодальный перевод. Ср. в лат. формы *futurum exactum*: *nisi granum frumenti cadens in terram mortuum fuerit ipsum solum manet si autem mortuum fuerit multum fructum adfert* (Io. 12, 24).

⁵ Рудименты подобного употребления отмечены в диалектах Южной Италии [Fleischman 1982: 34].

⁶ Германский язык (точная генетическая классификация спорна), который распространен в Малой Польше и находится под угрозой исчезновения, см. подробнее [Andrason 2016].

о функциональном дрейфе предбудущего по направлению к неретроспективному будущему. Однако эта тенденция в данных идиомах так и не достигла завершения.

В латинском имело место особое поэтическое употребление *futurum exactum* в значении *futurum primum*, однако такая синонимия была возможна не только в поэтическом тексте. Латинские примеры можно разделить на два типа: 1) **немедленное будущее**, см. (12), и 2) **предиктивное будущее** / другие семантические разновидности футурума, не связанные с немедленным следованием за моментом референции, см. (13) (в латинских примерах формы 1-го лица могут быть интерпретированы как выражающие намерение).

латинский [Ernout, Thomas 1972; PROIEL]

(12) а. *Rape me, quid cessas? — Fecero* [делать.PRF.FUT.1SG].

‘Возьми меня, что медлишь? — (Немедленно) **сделаю**’ (Cic., At. 3, 19, 1).

б. *Simo progreditur intus; concessero* [уходить.PRF.FUT.1SG].

‘Симон входит сюда; сейчас же **удаляюсь**’ (Pl. Mo. 687).

(13) а. *Reliqua exspectate; vos invitos vincere coegero* [заставить.PRF.FUT.1SG].

‘Подождите; вас против воли победить **заставлю**’ (Cael. ap. Cic. Fa 8, 12, 2).

б. *ego certe meum rei publicae atque imperatori officium praestituro* [исполнять.PRF.FUT.1SG].

‘Я, во всяком случае, мой долг государства и полководца **исполню**’ (Caes. Gal. 4.25.3).

Такие же два типа употреблений характерны и для старофранцузского предбудущего, ср. (14) и (15):

СТАРОФРАНЦУЗСКИЙ⁷ [Gamillscheg 1957: 420]

(14) *Se riens li dites, que ne soit a plaisir, sanz deffier vous aura* [иметь.AUX.FUT.3SG] *tot ocis* [убить.PTCP].

‘Если [вы] что-нибудь ему скажете, что не было бы приятно, без опасений [он] вас сразу же **убьет**’ (R. Cambrai 8320).

(15) а. *Le pays auront* [иметь.AUX.FUT.3PL] *confondu* [захватить.PTCP], *les chasteaux ars* [сжечь.PTCP], *prise* [взять.PTCP] *la preie, se il mout tost ne’s en enveie*.

‘[Они] землю **захватят**, замки **сожгут**, **возьмут** добычу, если он немедленно не пошлет их [подкрепление]’ (Troie 926).

б. *Et m’amie me renderez, don’t tante peine avrai* [иметь.AUX.FUT.1SG] *soferte* [страдать.PTCP].

‘И [вы] мою подругу мне вернете, из-за которой столько боли [я] **выстрадаю** / **должен буду выстрадать** / **выстрадал**’⁸ (Perceval, 33027).

Однако в старофранцузских текстах такие употребления предбудущего не являются основными. Согласно исследованию [Yvon 1922: 424—431], типичными, напротив, являются контексты, в которых предбудущее служит экспрессивным или даже адмиративным перфектом, обычно в итеративных (18), дуративных контекстах (20), контекстах множественности объектов (16) или с маркерами интенсификации типа *tant* (17).

СТАРОФРАНЦУЗСКИЙ [Gamillscheg 1957: 420]

(16) *Mult larges terres de vos avrai* [иметь.AUX.FUT.1SG] *conquises*⁹ [завоевать.PTCP].

{Речь на смертном одре.} ‘Столько обширных земель ваших [я] **завоевал**’ (Rol., 2351).

⁷ Автор благодарит А. Лаврентьева за помощь в переводе старофранцузских примеров.

⁸ В данном контексте также не исключена перфектная интерпретация предбудущего, ср. примеры (16)—(20).

⁹ В [Fónagy 1999: 18] употребление предбудущего рассматривается как метафорическое вместо обычного перфекта, такая замена объясняется эвиденциальной дистанцией (evidential distance).

- (17) *Dieus te doinst mariment; Tant aras* [иметь.AUX.FUT.2SG] *hui parlé* [говорить.ПТСР] *envers moi laidement*.
‘Бог тебя пусть накажет (букв. даст страдание); так [ты] сейчас **говорил** со мной грубо’ (Aïol, 8998.).
- (18) *Tybert, Dieus t’envoie marent, Que mult m’avra* [иметь.AUX.FUT.2SG] *hui ranponné* [бить.ПТСР].
‘Тиберт, Бог да пошлет тебе наказание [за то], что так [ты] меня сейчас **бил**’ (Rep., 20641; М., XIII, 151).
- (19) *He, fils de treue com m’avras* [иметь.AUX.FUT.2SG] *hui penie* [мучить.ПТСР].
‘Эх, сын свиньи, как ты меня сегодня **замучил**!’ (Garin le Lorrain.).
- (20) *Si m’en dites la vérité, Car mult i arai* [иметь.AUX.FUT.1SG] *bien pensé* [думать.ПТСР].
‘Так скажите мне об этом правду, ведь [я] столько об этом **думал**’ (Blancand., 71).

В старофранцузском футуральные употребления предбудущего могли появиться как независимо, так и под латинским влиянием. Расширение сферы употребления предбудущего, имевшее место в постклассической латыни, могло еще в большей степени повлиять и на славянский футуральный перфект, поскольку грамматикализация (или ощутимая тенденция к таковой) перифразы *bōdō* + *l*-причастие в качестве неретроспективного будущего удивительным образом ограничивается теми славянскими языками, которые относятся к Рак Slavia Latina (древнечешский, польский, словенский, чакавские и кайкавские диалекты сербохорватского, украинские диалекты Галиции и русинский — очевидно, уже опосредованно, через польский, см. также [Пенькова 2017]). Этому могла способствовать функциональная близость предбудущего в славянских языках и в латыни: чаще всего в данных идиомах второе будущее встречается в условном протасисе. Так, в текстах Нового Завета Вульгаты (по данным [PROIEL]) половина всех употреблений предбудущего в 1 л. ед. ч.¹⁰ фиксируется в придаточных условия.

В древнегреческом языке предбудущее, крайне редко употребляемое в текстах, могло также обозначать предиктивное¹¹ (22) или немедленное будущее (21):

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ [[Mattiae 1837: 726; Caragounis 2004: 272]

- (21) а. *Τί γὰρ ποιήσει; Φράζε, καὶ πεπράξεται* [делать.ПРЕ.ФУТ.3SG.MED].
{В контексте речь идет о том, всегда ли боги должны исполнять желания людей}
‘Что же [бог] сделает? Скажи, и (тогда) **будет исполнено**’ (Arist. Plut. 1027).
- б. *ἅμα ταῦτα ποιοῦντων ἡμῶν εὐθὺς Ἀριαῖος ἀφεστήξει* [уйти.ПРЕ.ФУТ.3SG] *ὥστε φίλος ἡμῶν οὐδεὶς λελειψεται* [оставаться.ПРЕ.ФУТ.3SG.MED].
‘Если это сделаем мы, тотчас Ариэй **удалится**, так что ни одного друга нам [не] **останется**’ (Xen. Anab. II.4.5).
- (22) *προϊσχύμενοι δὲ ἐπαγγείλασθε τάδε, ὡς πείσονται τε ἄχαρι οὐδὲν διὰ τὴν ἀπόστασιν, οὐδὲ σφί οὔτε τὰ ἰρὰ οὔτε τὰ ἴδια ἐμπεπρήσεται* [сжечь.ПРЕ.ФУТ.3SG.MED], *οὐδὲ βιαιότερον ἔξουσιν οὐδὲν ἢ πρότερον εἶχον* [PROIEL].
‘... что [не] пострадают из-за восстания ни они сами, ни их священные храмы, ни жилища [не] **будут сожжены**, ни более жестокое обращение они будут иметь, нежели прежде имели’ (Herodotus 6, 9).

Как отмечает Д. В. Сичинава, аналогичные контекстуальные семантические наращения — моментальность, немедленность следования — могут быть характерны в ряде языков для

¹⁰ Приводятся данные только для форм 1-го лица, так как остальные формы омонимичны латинскому перфекту конъюнктива.

¹¹ По отношению к примеру (22) нельзя говорить о предиктивном значении в чистом виде, прагматически футурум здесь выражает также обещание.

плюсквамперфекта. Такое употребление типично для плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола в романских языках, ср. примеры из [Сичинава 2013: 65—69] со ссылкой на [Bertinetto 1987]. Такая же особенность отмечается и для плюсквамперфекта в немецком языке, ср. пример, приводимый в [Сичинава 2013: 65—69] со ссылкой на [Шендельс 1970: 102]:

(23) НЕМЕЦКИЙ

Sobald der Kardinal des Vorgangs inne wurde, war er aus der Karosse gesprungen.

‘Едва кардинал узнал об этом событии, он **выпрыгнул** из кареты’ (Н. Mann, „Das Wunderbare und andere Novellen“).

4. Возможные объяснения

4.1. В приведенных выше примерах типа 1, судя по всему, представлен **метафорический переход**: изображение некоторой будущей ситуации как уже достигшей результата (ср. в современном разговорном употреблении [НКРЯ]: *Ну, я пошел, девочки, — сказал Алекс и пошел* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]). Та же метафора лежит в основе императивных употреблений форм прошедшего времени совершенного вида в современном русском языке (ср. *Куда? — спросил извозчик. — Пошел прямо!* (Н. В. Гоголь, «Нос»), см. [Князев 2007: 104]. Такой немедленный императив ограничен контекстами, в которых предполагается только немедленное исполнение побуждения.

В монографии [Bybee et al. 1994: 95] описаны близкие случаи, в которых перфективы могут иметь интерпретации немедленного будущего (абхазский, байнинг). Такой же природы употребления аориста в значении немедленного будущего в албанском [Duchet 1995: 264—265], агульском и удинском языках (в контекстах предупреждения) [Майсак 2016: 328—329]. Еще ближе к нашим примерам оказываются описанные в языке сесото случаи такой же транспозиции перфекта со вспомогательным глаголом ‘идти’ — в немедленное будущее (24) и перфекта со вспомогательным глаголом ‘прийти’ — в возможное будущее (25) [Erhard Voeltz 2005: 9].

СЕСОТО

(24) *ke ile g(o) reka*
я идти.PRF к купить

‘Я куплю’ (немедленное будущее).

(25) *ke tl.ile g(o) rek*
я прийти.PRF к купить

‘Я куплю’ (вероятное будущее).

Довольно регулярная особенность перфекта и перфектива обозначать немедленное или ближайшее будущее, полностью или частично грамматикализованная в ряде языков банту, описывается также в [Nurse 2008: 163].

В дальнейшем в процесс семантического дрейфа предбудущего в сторону «обычного» неретроспективного будущего могли вовлекаться и другие контексты (типа 2 из предыдущего раздела), не связанные с немедленным следованием события за моментом референции в будущем.

4.2. Однако такой семантический «перевертыш» (от предшествования к следованию) можно объяснить и **метонимически**: в употреблениях в аподосисе происходит конвенционализация имплицатуры ‘вывод, следствие’ → ‘следование в будущем’ → ‘футуральность’ (на славянском материале см. [Пенькова 2014; 2016; 2017]). Причем данное объяснение применимо как к контекстам типа 1, так и 2.

В употреблениях подобного рода, по-видимому, может происходить **конвенционализация имплицатуры**, поскольку следствие или вывод неизбежно следует из ситуации

и за ситуацией, обозначенной в придаточном предложении, и может начать восприниматься не только как логически следующее, но как хронологически последующее. Как известно, именно в употреблении в главной, а не придаточной части склонны появляться инновации [Bybee 1998: 263]. Некоторое продвижение второго будущего по этому пути можно найти в древнерусских, древнечешских и латинских источниках:

ДРЕВНЕРУССКИЙ

(26) *аще ли хоцещи да предамъ ѿго духови нечисту **будеть*** [быть.AUX.FUT.3SG] *ходиль* [ходить.PTCP] *бѣсѣса*¹²
 ‘Если хочешь, я предам его нечистому духу, и он **будет ходить** (букв. **станет ходивший**), бесясь’. [ЖАЮ: 3410—3411]

(27) *и рече... сѣи Никола... аще ли того не створиши, то пакы **будеши*** [быть.AUX.FUT.2SG] *въспать шель* [идти.PTCP] *въ Самарію, и въ тѣмници будеши*
 ‘И сказал святой Никола... если ты этого не сделаешь, то вновь **пойдешь** (букв. **будешь шедший**) обратно в Самарию, и окажешься в темнице’ (Чудо о Петре-чернеце, ЧН: 21 об.)

ДРЕВНЕЧЕШСКИЙ [Gebauer 1958: 427]

(28) *máš umřieti, i budeš* [быть.AUX.FUT.2SG] *pykal* [страдать.PTCP].
 ‘Ты должен будешь умереть и **будешь страдать**’ (Hod. 84b).

(29) *řku-li, neznal sem — budu* [быть.AUX.FUT.1SG] *s vámi selhal* [солгать.PTCP]¹³.
 ‘Скажу ли, что я не знал, — **солгу** вместе с вами’ (Jan. 8, 55 Ev. Seitst).

(30) ЛАТИНСКИЙ [PROIEL]

respiraro [дышать.PRF.FUT.1SG] *si te videro*.

‘**Буду дышать / смогу дышать**, если тебя увижу’ (Cic. Att. 2.24.5).

Каким бы из двух механизмов мы ни объясняли изменение семантики предбудущего, утрачивающего ретроспективность, в обоих случаях происходит как бы перемещение окна наблюдения: мгновенное, если перед нами метафора, и постепенное, если метонимия. Изначально окно наблюдения охватывает финальную и/или результирующую фазу (‘результат некоторого события + его актуальность в будущем’), затем финальная стадия превращается в начальную: в окне наблюдения — возникновение новой ситуации. На последнем этапе в окно наблюдения может включаться также срединная фаза и, напротив, исключаться начальная (‘возникнет и продолжит иметь место Р’ / ‘будет иметь место Р’).

4.3. Описанные в пунктах 4.1 и 4.2 механизмы, как кажется, хорошо объясняют саму суть семантических изменений, но ничего не могут сказать об изменении частотности предбудущего на пути к обычному будущему. Однако семантическая эволюция предбудущего в славянских языках, в результате которой происходит вытеснение на периферию, а затем полная утрата ретроспективных употреблений и развитие проспективных (≠ проспективу!), очевидным образом должна была сопровождаться значительным ростом частотности формы в своей исконной ретроспективной функции маргинальной в узусе.

Рост частотности можно объяснить **нейтрализацией** предбудущего и перфективного презенса в **протасисе условной конструкции**. Именно в условном протасисе предбудущее легко утрачивает ретроспективный компонент, так как идея предшествования условия следствию, за редким исключением (иллокутивные конструкции с условными союзами¹⁴), уже

¹² Ср. греч.: *ἔσται περίῳον* δακνὸνζόμενος ‘букв. будет ходящий кругом, будучи одержимым’.

¹³ Однако в Драждянской Библии XIV в. и Оломоуцкой Библии нач. XV в. иначе: *byl bych lhář, rovný vám* [Hauptová 2008: 100], ср. лат.: *ero similis vobis mendax* ‘буду подобный вам лжец’.

¹⁴ В структурах данного типа, которые в лингвистической литературе принято называть **иллокутивными** [Иорданская 1988] или **эллиптическими** [Санников 2008: 53—70], одна из частей называет

присутствует в самом условном предложении. В этом случае в славянских языках предбудущее, образованное от глаголов СВ, функционально эквивалентно перфективному презенсу (31)—(32), при этом формы предбудущего от глаголов НСВ эквивалентны не имперфективному футуруму, а имперфективному *l*-претериту (33), ср. примеры из древнечешского и древнерусского:

(31) ДРВЕНЕЧЕШСКИЙ [ŽW]
[A]cz **zapomani** [забыть.PRS.PFV.1SG] / *acz zapomaniul* [забыть.РТСР] **budu** [быть.AUX. FUT.1SG]¹⁵ *tebe iheruzalem...*
‘если я **забуду** тебя, Иерусалим...’ (Ps. CXXXVI, 5)

ДРЕВНЕРУССКИЙ
(32) *оже станеть* [стать.PRS.PFV.3SG] *без вины на разбои... боудеть* [быть.AUX. FUT.3SG] *ли сталь* [стать.РТСР] *на разбои безь всакоа свады то за разбойника людье не платать*.
‘Если **поднимется** без причины на разбой... **поднимется** ли без какой бы то ни было ссоры, то за разбойника люди не платят’. [РП: 3].

(33) *аже боудоуть* [быть.AUX.FUT.3PL] *свободнии с нимь крали* [красть.РТСР] *или хоронили* [прятать.РТСР] *то князю въ продаже*
‘Если свободные [люди] с ним **воровали** и **прятали**, то должны заплатить князю продажную пеню’. [РП: 24].

Предбудущее в древнеиталийских языках (латинском, оскском и умбрском) также весьма часто в условном протасисе. В данных идиомах, как и в славянских, могла иметь место нейтрализация предбудущего с презенсом, также употреблявшимся для обозначения потенциального условия, ср. примеры (34)—(35) с формой предбудущего и примеры (36)—(37) с формами презенса в условном протасисе:

(34) латинский [PROIEL]
si vobis dixero [говорить.PRF.FUT.1SG], *non creditis mihi*.
‘если я **скажу** вам, не поверите мне’ (Vulg. Lk 22, 67).

(35) оскский [Buck 1904: 232]
Suaepis contrud exeic fefacust [делать.PRF.FUT.3SG]... *molto etanto estud n. CD*
‘Если кто-нибудь **сделает** [что-нибудь] против этого... штраф будет 2000 сестерциев’.

(36) латинский [PROIEL]
Libertatem tibi ego et divitias dabo, si impetras [достигать.PRS.2SG].
‘Свободу тебе я и богатство дам, если [ты] [это] **осуществишь**’ (Pl. Miles gl. IV. 5).

(37) умбрский [Buck 1904 : 279]
Svepis habe [оставаться.PRS.3SG]... *feitu uru peře mers est*.
‘Если кто-нибудь **останется**... сделай ему то, что положено по закону’.

По-видимому, конвенционализация предбудущего в аподосисе (см. 4.2) могла развиваться в том числе за счет формального параллелизма с употреблением в протасисе, а семантические изменения предбудущего в протасисе и аподосисе условной конструкции в славянских и древнеиталийских языках могли быть частью единого процесса.

4.4. В славянских языках (западных и юго-западных) утрате ретроспективности у предбудущего могло способствовать также сохранение *l*-причастием **атрибутивности**.

реально существующий факт, а другая представляет собой речевой акт, некоторым образом связанный с содержанием первой части, например: *Если вам нужно позвонить, то телефон в соседней комнате* [Там же: 61].

¹⁵ Соответствует латинскому futurum exactum: *si oblitis fuero*.

Атрибутивные употребления *l*-форм на древнерусском материале убедительно описаны М. В. Скачедубовой [2016], ср. пример А. А. Потевни из Изборника 1073 г., приводимый в указанной работе, в котором к одному глаголу-связке относятся одновременно *l*-форма, образующая с ним предбудущее, и два имени прилагательных:

(38) ДРЕВНЕРУССКИЙ [Скачедубова 2016: 82].

аште бждеть [быть.AUX.FUT.3SG] *къто старь* [ADJ] или *немоштьнь* [ADJ]
и *отънемогьса* [занемочь.PTCP]...

Следы такого архаичного значения *l*-причастий есть и в других славянских языках, и за их пределами (см., например, о чешских и старопольских образованиях на *-lu* соответственно [Кореšný 1958; Klemensiewicz 2015: 115]). Косвенным подтверждением этому может служить исходная ситуация в старославянском. Согласно последним исследованиям В. А. Плунгяна и А. Ю. Урманчиевой [(в печати)], старославянский перфект имел не результативную, а характеризационную семантику, носителем которой являлось *l*-причастие, участвовавшее и в образовании предбудущего.

4.5. Переосмысление предбудущего в неретроспективное будущее в славянских языках могло подкрепляться влиянием конструкций со связкой *bdq* при страдательных причастиях (на *-n* / *-t*), которые имеют другую интерпретацию (ср. с такой же асимметрией в албанском, в котором формы футурального перфекта пассивного залога, в отличие от соответствующих активных форм, не имеют значения предшествования в будущем [Морозова 2016]).

Каждое из предложенных выше объяснений имеет свои преимущества и недостатки. Безусловно, немедленное употребление рассматриваемой перифразы могло служить одним из семантических мостов между ретроспективным и проспективным будущим. Типологически сходное развитие имеют формы перфекта и перфектива в других языках (см. выше). Однако контексты, в которых предбудущее обозначает немедленное следование за другим событием в будущем, достаточно редки, что не позволяет нам применить это объяснение по отношению ко всем идиомам. В частности, немедленное употребление не объясняет значительный рост частотности, который должен был произойти перед превращением предбудущего в обычное будущее в славянских языках и отчасти в латыни.

В последних более распространены употребления предбудущего, маркирующего следствие или вывод в аподосисе. Рост частотности предбудущего в латыни и славянских языках в большей степени связан с употреблениями не в аподосисе, а в условном протасисе, то есть с дрейфом предбудущего в сторону косвенных наклонений, имевшем место в древнерусском, сербохорватском, латыни, оскском и умбрском. Однако, принимая такое объяснение, мы вынуждены признать, что изменения в семантике предбудущего возникают прежде всего в зависимых клаузах. Некоторые косвенные подтверждения этому могут дать различные говоры сербохорватского языка, разные диалекты которого на синхронном и диахронном уровнях демонстрируют разные стадии такой эволюции предбудущего и, как кажется, свидетельствуют как раз в пользу влияния со стороны условных конструкций.

В кайкавских говорах уже с XVI в. славянское предбудущее грамматикализовано как один из способов референции к будущему наряду с перфективным презенсом и конструкциями с *hoću* + инфинитив [Andersen 2006]. При этом в старокайкавском такое будущее с *l*-причастием образовывалось от глаголов обоих видов, как и в словенском, к которому кайкавские говоры наиболее близки. Та же ситуация имеет место в современных северно-кайкавских говорах, тогда как в других разновидностях кайкавского наречия будущее с *l*-причастием совершенного вида вытеснено перфективным презенсом, и *biti* + *l*-причастие образуется только от глаголов несовершенного вида [Ibid.].

В современном литературном сербохорватском языке, в основе которого лежит штокавское наречие, ситуация во многом начинает сближаться с ситуацией в кайкавских диалектах: «футур други» здесь употребляется преимущественно от глаголов несовершенного вида (структуры с *l*-формой от глаголов совершенного вида встречаются примерно в 11 %

случаев, по данным Хорватского национального корпуса [Vuković 2014]) и не обязательно означает именно предбудущее, то есть предшествование, а скорее — будущую ситуацию в зависимой предикации (в придаточных условных, относительных и временных).

Можно осторожно предположить, что такой же была и эволюция предбудущего в истории польского языка: конкуренция с презенсом совершенного вида привела к выходу из употребления форм будущего с /-причастием от глаголов совершенного вида (см. об этом также [Пенькова 2017: 259—260]). Этого, однако, не произошло в литературном словенском.

Ниже в таблице для ряда европейских языков представлена корреляция между способностью предбудущего (для польского и словенского — «бывшего» предбудущего) употребляться в протасисе условной конструкции¹⁶ синонимично формам презенса (вне зависимости от вида) или футурума и возможностью развивать неретроспективные футуральные употребления. Как видно из таблицы, все три возможности в основном или одновременно отсутствуют, или одновременно наличествуют в языке (++ — грамматикализованное будущее; (+) — редкое употребление, ? — нет данных).

Таблица

Некоторые семантические свойства предбудущего в языках Европы

Язык	Синонимия с презенсом или футурумом в условном протасисе	Значение неретроспективного будущего
Древнегреческий	?	+
Латынь	+	+
Оскский/умбрский	+/+	(+)/(+)
Старославянский	+	?
Древнерусский	+	(+)
Древнечешский	+	+
Польский	(+)	++
Словенский (лит.)	+	++
Кайкавский	+	++
Чакавский / старочакавский	+/+	+
Сербохорватский (лит.) (штокавский)	+	+
Болгарский	(+) ¹⁷	(+)
Албанский	—	—
Французский	—	—
Старофранцузский	—	(+)
Испанский	—	—
Португальский	— (+) ¹⁸	—
Итальянский	(+)	—
Литовский	—	—
Немецкий	—	—
Английский	—	—

¹⁶ Условные придаточные с показателями будущего времени встречаются в языках Европы намного реже, чем придаточные времени [Hedin 2000: 330], при этом если футурум может употребляться в условном протасисе, он также употребляется и во временных придаточных, но не наоборот.

¹⁷ Предбудущее в современном болгарском, согласно [Ницолова 1998], возможно в условном протасисе, однако данное употребление является маргинальным.

¹⁸ Употребление в условном протасисе возможно для форм конъюнктива (future perfeito do subjuntivo).

5. Некоторые выводы и перспективы

В ряде европейских языков предбудущее обнаруживает тенденцию к утрате ретроспективной семантики и грамматикализации в качестве обычного будущего времени. Эта тенденция имела разную степень интенсивности в рассмотренных идиомах. Если в древнегреческом и старофранцузском она была едва намечена, то в далматинском и славянских языках, таких как словенский, польский, кашубский, кайкавское наречие сербохорватского языка, достигла завершения. Промежуточное положение занимает предбудущее в классическом и постклассическом латинском языке. Небольшой объем примеров с предбудущим в оскских и умбрских памятниках не позволяет точно определить его место на этой условной шкале в данных идиомах.

Вероятными причинами и путями такой семантической эволюции предбудущего в перечисленных языках могли послужить:

- метафорическое «немедленное» употребление, характерное для латинского, древнегреческого, старофранцузского;
- частотное употребление в обеих частях условного предложения (характерно в основном для названных славянских и древнеиталийских языков) и, как следствие, во-первых, нейтрализация предбудущего и презенса в протасисе условной конструкции; во-вторых — конвенционализация одной из импликатур, возникающих в аподосисе ('вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность').

Атрибутивность *l*-причастия и влияние конструкций типа *bqđq* + страдательное причастие, а также различные контактные явления (см. выше) могли способствовать такой семантической эволюции в славянских языках.

Большую склонность к утрате ретроспективности предбудущее обнаруживает именно в том случае, когда оно широко употребляется в условном протасисе. Это позволяет осторожно предположить, что в языках, в которых за условным протасисом закреплены другие временные формы, предбудущее будет развивать значения преимущественно из модально-эвиденциальной семантической зоны (ср., например, албанский), однако данная гипотеза требует отдельного подробного исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	PFV — перфектив
ADJ — прилагательное	PL — множественное число
AUX — вспомогательный глагол	PRF — перфект
FUT — будущее время	PRS — презенс
INF — инфинитив	PTCP — причастие
MED — медиопассив	SG — единственное число

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ЖАЮ — Молдован А. М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М.: Азбуковник, 2000.
- РП — Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века, скопированный с подлинника студентами ист.-филол. факультета Императорского Санкт-Петербургского университета под руководством И. И. Срезневского. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1888.
- ЧН — Макеева И. И. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003. М.: Древлехранилище, 2003.
- AX — Kałuźniacki Aem. (ed.) *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti*. Vindobonae: Apud Caroli Geroldi filium, 1896.

- EZ — Patera A. *Čtenie zinnieho času. Z rukopisu XIV. stol.* Památky řeči a literatury české. Řada I. Číslo 7. Praha: Nakl. České akademie císaře Františka Josefa, 1905.
- PROIEL — Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages. Available at: <https://proiel.github.io/>.
- ŽW — Gebauer J. *Žaltář Wittenberský.* Spisů musejních číslo 150. Památky staré literatury české. Číslo VII. Řada I. Oddíl 2. Praha: Vydávané Maticí Českou, 1880.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андрейчин 1978 — Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Наука и изкуство, 1978. [Andreichin L. *Osnovna b'lgarska gramatika* [General Bulgarian grammar]. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1978.]
- Бурсье 1952 — Бурсье Э. Основы романского языкознания. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Boursier E. *Osnovy romanskogo yazykoznanija* [Fundamentals of Romanic linguistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Зенчук и др. 1986 — Зенчук В. Н., Маркович М., Йоканович-Михайлова Е., Киршова М. П. Сербский язык. М.: Высшая школа, 1986. [Zenchuk V. N., Markovich M., Iokanovich-Mikhailova E., Kirshova M. P. *Serbskii yazyk* [The Serbian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986.]
- Иорданская 1988 — Иорданская Л. Н. Семантика русского союза раз (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics*. 1988. Вып. 12. № 3. С. 239—267. [Iordanskaya L. N. Semantics of the Russian conjunction raz (compared with some other Russian conjunctions) // *Russian Linguistics*. 1988. Vol. 12. No. 3. Pp. 239—267.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: Russian in the typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007.]
- Майсак 2001 — Майсак Т. А. Время // Кибрик А. Е. (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. [Maisak T. A. Tense. *Bagvalinskii yazyk: Grammatika. Teksty. Slovaki*. Kibrik A. E. (ed. and comp.). Moscow: Nasledie, 2001.]
- Майсак, Мерданова 2004 — Майсак Т. А., Мерданова С. Р. «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 430—455. [Maisak T. A., Merdanova S. R. "Verificational form" in Agul: Its structure, semantics, and a hypothesis about its origin. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). No. 3. *Irrealis i irreal'nost'*. Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 430—455.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). Вып. 7: Типология перфекта. СПб.: Наука, 2016. С. 315—378. [Maisak T. A. Perfect and aorist in the Nidj dialect of Udi. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. XII. Part 2. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Maisak T. A., Plungian V. A., Semenova K. P. (eds.). No. 7: *Tipologiya perfekta*. St. Petersburg: Nauka, 2016. Pp. 315—378.]
- Морозова 2016 — Морозова М. С. Футуральный перфект в албанском: корпусное исследование. Доклад на рабочем совещании «Типология футурально-перспективной семантической зоны». СПб.: ИЛИ РАН, 2016. [Morozova M. S. *Futural'nyi perfekt v albanskom: korpusnoe issledovanie. Doklad na rabochem soveshchaniy «Tipologiya futural'no-prospektivnoi semanticheskoi zony»* [Future perfect in Albanian: A corpus-based study. Paper presented at the workshop "The typology of futural-prospective semantic zone"]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016.]
- Ницолова 1998 — Ницолова Р. Условные конструкции в болгарском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 129—160. [Nicolova R. Conditional patterns in Bulgarian. *Tipologiya uslovnykh konstruktssii*. Hrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1998. Pp. 129—160.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пенькова 2014 — Пенькова Я. А. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1(27). С. 150—184. [Pen'kova Ya. A. On the semantics of the so-called complex

- future II in Old Russian (a case study of the “Life of Andrew the Fool-for-Christ”. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 1 (27). Pp. 150—184.]
- Пенькова 2016 — Пенькова Я. А. Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2016. Вып. 10. С. 475—489. [Pen'kova Ya. A. Semantics of the Slavic second future and some typological parallels. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. 2016. No. 10. Pp. 475—489.]
- Пенькова 2017 — Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2017. Вып. 62. № 2. С. 247—275. [Pen'kova Ya. A. Towards the history of the Slavic second future tense: Ways of semantic evolution. *Die Welt der Slaven*. 2017. Vol. 62. No. 2. Pp. 247—275.]
- Плунгян, Урманчиева (в печати) — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском. Был ли он результативным? // *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*. [Plungian V. A., Urmancieva A. Yu. Perfect in Old Slavonic. Was it resultative? *Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies*. (in print).]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [The Russian syntax in the semantic and pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. [Sichinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2013.]
- Скачедубова 2016 — Скачедубова М. В. О некоторых особенностях функционирования *-l-* формы в Ипатьевской летописи // Красных В. В., Изотов А. И. (ред.). Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 78—83. [Skachedubova M. V. On some characteristics of the functioning of *-l-* form in the Hypatian Chronicle. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi pamyati Nadezhdy Vasil'evny Kotovoi i Ol'gi Aleksandrovny Rzhannikovoi*. Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). Moscow: MAKSS-Press, 2016. Pp. 78—83.]
- Славятинская 2003 — Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Филоматис, 2003. [Slavyatinskaya M. N. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka* [Ancient Greek. A textbook]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Filomatis, 2003.]
- Соболевский 2000 — Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб.: Алетейя; Летний сад, 2000. [Sobolevskii S. I. *Drevnegrecheskii yazyk* [The Ancient Greek language]. St. Petersburg: Aleteiya; Letnii Sad, 2000.]
- Стевановић 1986 — Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Књ. II. Београд: Научна књига, 1986. [Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik* [The Modern Serbo-Croatian language]. Knj. II. Beograd: Naučna knjiga, 1986.]
- Трубачев 1982 — Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 10—26. [Trubachev O. N. Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs in the light of etymological and onomastic data. *Voprosy jazykoznanija*. 1982. No. 4. Pp. 10—26.]
- Федотов 2012 — Федотов М. Л. Конструкция иммедиатного предшествования в языке гбан: к типологии иммедиатности // Девяткина Е. М., Ганенков Д. С., Маховиков Д. В., Шлуинский А. Б. (ред.). Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (20—22 сентября 2012 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 316—343. [Fedotov M. L. Immediate precedence construction in Gban: A preliminary typology of immediateness. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Pervoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»* (20—22 sentyabrya 2012 g.). Devyatkina E. M., Ganenkov D. S., Makhovikov D. V., Shluinskii A. B. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 316—343.]
- Храковский 2009 — Храковский В. С. Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. [Xrakovskij V. S. *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [Typology of taxis constructions]. Moscow: Znak, 2009.]
- Шендельс 1970 — Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М.: Высшая школа, 1970. [Shendel's E. I. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike (na materiale glagol'nykh form sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Polysemy and synonymy in grammar (a case study of verb forms in Modern German)]. Moscow Vysshaya Shkola, 1970.]

- 1 Шишова 2014 — Шишова А. Д. Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014. [Shishova A. D. *Diskursivnyi analiz funktsionirovaniya glagol'nykh form v sovremennom frantsuzskom yazyke. Avtoref. kand. diss.* [Discursive analysis of functioning of verb forms in modern French. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2014.]
- 2 Andersen 2006 — Andersen H. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence. *Change in verbal systems. Issues in explanation*. Eksell K., Vinther T. (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. Pp. 9—45.
- 3 Anderson 1982 — Anderson L. D. The perfect as a universal and as a language-particular category. *Tense and aspect: Between semantics and pragmatics*. Hopper P. (ed.). (Typological Studies in Language, 1.) Amsterdam: John Benjamins, 1982. Pp. 227—264.
- 4 Andrason 2016 — Andrason A. Where Germanic and Slavic meet: New Polish-based tenses in the Vilamovicean language. *Germanoslavica*. 2016. Vol. 27. No. 1. Pp. 1—17.
- 5 Bertinetto 1987 — Bertinetto P. M. Why the *passé antérieur* should be called *passé immédiatement antérieur*? *Linguistics*. 1987. Vol. 25. Pp. 341—360.
- 6 Buck 1904 — Buck C. D. *A grammar of Oscan and Umbrian*. Boston: The Athenaeum Press, 1904.
- 7 Buchholz, Fiedler 1987 — Buchholz O., Fiedler W. *Albanische Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987.
- 8 Bybee 1998 — Bybee J. L. “Irrealis” as a grammatical category. *Antropological Linguistics*. 1998. Vol. 40. No. 2. Pp. 257—271.
- 9 Bybee, Pagliuca 1987 — Bybee J. L., Pagliuca W. The evolution of future meaning. *Papers from the VII International Conference on Historical Linguistics*. Giacalone Ramat A., Carruba O., Bernini G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1987. Pp. 109—122.
- 10 Bybee et al. 1991 — Bybee J. L., Pagliuca W., Perkins R. Back to the future. *Approaches to grammaticalization*. Vol. II. Traugott E., Heine B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1991. Pp. 17—58.
- 11 Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Pagliuca W., Perkins R. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- 12 Caragounis 2004 — Caragounis C. C. *The development of Greek and the New Testament*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2004.
- 13 Comrie 1985 — Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- 14 Conway 1897 — Conway R. S. *The Italic dialects*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1897.
- 15 Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- 16 Dahl 2000 — Dahl Ö. The perfect questionnaire. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. Pp. 800—810.
- 17 De Brabanter et al. 2014 — De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds.). *Future times, future tenses*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- 18 Długosz-Kurczabova, Dubisz 2003 — Długosz-Kurczabova Kr., Dubisz S. *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2003.
- 19 Duarte 2010 — Duarte I. M. Le futuro perfeito português: Inscription textuelle discrète de discours rapporté. *Directions actuelles en linguistique du texte, Actes du colloque international. Le texte: Modèles, méthodes, perspectives*. Florea L.-S., Papahagi Cr., Pop L., Curea A. (éds.). Cluj-Napoca: Casa Cărții de Știință, 2010. Pp. 75—84.
- 20 Duchet 1995 — Duchet J.-L. The Albanian tense system. *Tense systems in European languages*. Vol. II. Thieroff R. (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 1995. Pp. 253—275.
- 21 Erhard Voeltz 2005 — Erhard Voeltz F. K. (ed.). *Studies in African linguistic typology*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- 22 Ernout, Thomas 1972 — Ernout A., Thomas Fr. *Syntaxe latine*. Paris: Klincksieck, 1972.
- 23 Fleischman 1982 — Fleischman S. *The future in thought and language: Diachronic evidence from romance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- 24 Fónagy 1999 — Fónagy I. Why iconicity? *Form miming meaning: Iconicity in language and literature*. Nänny M., Fischer O. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999. Pp. 3—36.
- 25 Gamillscheg 1957 — Gamillscheg E. *Historische französische Syntax*. Tübingen: Max Niemeyer, 1957.
- 26 Gebauer 1958 — Gebauer J. *Historická mluvnické jazyka českého. Díl III: Tvarosloví*. Praha: ČSAV, 1958.
- 27 Grout 1859 — Grout L. *The Isizulu: A grammar of the Zulu language accompanied with a historical introduction*. London: Trübner & Co, 1859.
- 28 Hauptová 2008 — Hauptová Z. 2008. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besed Řehoře Velikého. *Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky*. Janyšková I., Karlíková H., Večerka R. (eds.). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. S. 95—101.

- Hedin 2000 — Hedin E. Future marking in conditional and temporal clauses in Greek. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. Pp. 329—349.
- Holtus et al. 1989 — Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch. (eds.). *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Bd. III. *Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart: Rumänisch, Dalmatisch-istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch*. Tübingen: Max Niemeyer, 1989.
- Jasanoff 1987 — Jasanoff J. H. The tenses of the Latin perfect system. *Festschrift for Henry Hoeningwald*. Cardona G., Zide N. H. (eds.). Tübingen: **G. Narr**, 1987. Pp. 178—183.
- Klemensiewicz 2015 — Klemensiewicz Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015.
- Kopečný 1958 — Kopečný F. *Přišedší, zahynuvší — přišlý, zahynulý* (Příspěvek k problému slovanského přičestí I-ového) // *Славянская филология*. 1958. Вып. 2. С. 138—163.
- Matthiae 1837 — Matthiae A. 1837. *A copious Greek Grammar by Augustus Matthiae, transl. from the German by E.W. Blomfield*. Vol. II. London: John Murray, Albemarle street: 1837.
- Nurse 2008 — Nurse D. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan, 1947.
- Rösler 1952 — Rösler K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen. *Wiener slawistisches Jahrbuch*. 1952. Bd. 2. S. 103—149.
- Rohlf's 1949 — Rohlf's G. *Historische Grammatik der Italienischen Sprache und Mundarten*. Bd. III: *Formenlehre und Syntax*. Bern: Francke, 1949.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. Pp. 265—308.
- Ullman 1978 — Ullman R. The nature of future tenses. *Universals of human language*. Vol. III: *Word structure*. Greenberg J. H. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 55—100.
- Vater 1975 — Vater H. Werden als Modalverb. *Aspekte der Modalität*. Calbert I. P., Vater H. (Hrsg.). (Studien zur deutschen Grammatik, 1.) Tübingen: G. Narr, 1975. S. 71—148.
- Vuković 2014 — Vuković P. Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku. *Jezik: Časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*. 2014. Vol. 61. No. 3. Pp. 81—94.
- Weber 1989 — Weber D. J. *A grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua*. Berkeley: Univ. of California Press, 1989.
- Yvon 1922 — Yvon H. Sur l'emploi du futur antérieur (futurum exactum) au lieu du passé composé (passé indéfini). *Romania*. 1922. Vol. 48. No. 191. Pp. 424—431.

Получено / received 24.06.2017

Принято / accepted 12.09.2017